

ГЛАВА 21. УМЕРЕТЬ — ТАК ВМЕСТЕ

Мо Ханьчи мчался на мече, не разбирая дороги. Он и сам не знал, сколько длился этот полет и куда в конце концов занесла его судьба. Оглянуться он не смел — чувствовал себя напроказившим ребенком, в душе которого боролись горькое раскаяние и проклятая гордость, не позволявшая просить прощения. Ему оставалось лишь бежать как можно дальше, надеясь, что расстояние притупит чувство вины.

Очнулся он от странного зрелища. Прямо перед ним стоял поминальный стол, накрытый красной скатертью, на котором возвышалась туша целиком зажаренного кабана. Перед подношением дымилась золотая курильница; от времени позолота на ней изрядно облупилась. Три палочки благовоний курились, и ветер гнал сизый дым прямо на него. Запах одурманивал, клонил в сон — так, должно быть, чувствуют себя божества в Храме Трех Чистых. Наверное, если сидеть неподвижно слишком долго, и впрямь превратишься в камень.

У подножия стола чернела толпа: мужчины, женщины, старики и дети — все они пали ниц, оглашая воздух криками:

— Живой небожитель спустился! Истинный бессмертный сошел к нам!

Все началось незадолго до этого. Мо Ханьчи летел совсем низко, но на предельной скорости; его Бахуан оставлял за собой длинный огненный шлейф, так что издали казалось, будто юноша стоит на облаке из пламени. В какой-то момент на дорогу выскочил старик и, рухнув на колени, возопил: «Бессмертный, спаси нас!» Так Ханьчи и оказался в этой нелепой ситуации. Видимо, здешние места были настолько глухими, что люди никогда не видели ни заклинателей, ни даосов.

— О, живой небожитель! — к нему подошел старец, который сам выглядел куда величественнее любого бога. В руке он сжимал несуразный персиковый посох, а его широкое одеяние, точь-в-точь как у божества земли, висело на исхудавшем теле пустым мешком. Белоснежная борода почти касалась земли. — Кха-кха... Наконец-то ты пришел спасти нас.

— Погодите, где я? И никакой я не небожитель! — принялся настойчиво объяснять Ханьчи, но старик, казалось, его не слышал. Он лишь бормотал, погруженный в историю своей деревни.

— Все началось двадцать лет назад, — завел он, прослезившись. — В день солнечного затмения мой внук спас истекающего кровью юношу. Мы выходили его, но он не помнил своего прошлого. Он остался с нами, они с внуком стали как братья... Кто же знал, что тринадцать лет назад в одну из ночей он обезумеет? Он превратился в жуткого зверя. Внук пытался его остановить, но был растерзан. С тех пор тварь прячется в лесу на той горе. Каждое полнолуние он спускается, чтобы жрать людей. Раньше ему хватало одного-двух, но в последний год аппетит его вырос. Мы заперты здесь его чарами — чужаки могут войти в деревню, а мы выйти не в силах. Нам остается лишь ждать, пока монстр всех нас передошлет. А я даже не могу отомстить за единственного внука...

Старик всхлипнул, и вой толпы перед алтарем усилился. Мо Ханьчи стало не по себе. Совесть не позволила ему отвернуться.

— Ладно, — он неловко поскреб затылок. — Только я дороги не знаю.

Деревня выделила нескольких крепких мужчин, и небольшой отряд вместе с Мо Ханьчи отправился в горы. Лес здесь был густым и обширным, меж вековых деревьев журчали ручьи, но юношу насторожило одно: вокруг не было слышно ни единого живого существа. Ни птиц, ни зверей.

Пройдя приличное расстояние, они вдруг поняли, что пейзаж не меняется.

— Отец, вы уверены, что мы идем верно? — Ханьчи огляделся. Они словно топтались на месте, блуждая в трех соснах.

— Скоро придем, уже почти на месте, — бормотал старик, опираясь на посох, однако шаг его становился все стремительнее. Он уже не уступал молодым.

— Ну и прыть у вас, — похвалил его Ханьчи, но старик лишь раздраженно огрызнулся:

— Поторапливайся!

— Вам не кажется, что мы ходим кругами? — снова спросил Ханьчи.

— Это все морок, чары демона, — старик тяжело дышал, его взгляд был лихорадочным. — Монстр боится крови бессмертных. Быстрее, порежь палец и окропи эти вековые кедры!

Ханьчи почувствовал неладное. Лишь магические барьеры заклинателей можно осквернить кровью, чтобы ослабить их мощь. Демонические же силы кровь обычно лишь подпитывает. Меч Бахуан в его руке тревожно завибрировал, словно чувствуя опасность, грозящую хозяину. Но Ханьчи, снедаемый внутренним раздором и желанием выплеснуть на кого-то гнев, лишь сильнее сжал рукоять. Он полоснул по пальцу — чуть резче и глубже, чем требовалось.

Алые капли упали на кору могучего дерева и тут же впитались, исчезнув без следа.

— Ао-о-о! — раздался оглушительный звериный рев, от которого, казалось, содрогнулось само небо.

Земля под ногами пошла ходуном. Горные камни посыпались вниз, а кедры-великаны начали медленно погружаться в почву. Гора буквально разваливалась на части.

— Стой! — в зверином вое отчетливо прозвучал человеческий голос.

Мо Ханьчи вздрогнул. Опыт, полученный в Башне Магических Сокровищ, помог ему не поддаваться панике. Он мгновенно взмыл в воздух, уворачиваясь от катящихся валунов, и первым делом бросил взгляд туда, где стоял старик. Тот замер на краю обрыва, над которым навис громадный камень.

— Берегись! — крикнул Ханьчи.

Бахуан сорвался с его ладони огненной кометой. С тонким свистом меч врезался в валун, разнося его в щепки прежде, чем тот успел раздавить старца.

Юноша облегченно выдохнул, но тут же почувствовал, как силы покидают его. Духовная энергия — его истинная сущность — начала стремительно исчезать. Бахуан, потеряв поддержку хозяина, жалобно звякнул и рухнул в траву на полпути к нему.

— Будь ты проклят... — прохрипел Ханьчи. На языке вертелось имя Ло Си: уж этот парень точно не дал бы обвести себя вокруг пальца.

Деревенские «здоровяки», стоявшие рядом, начали стремительно меняться. Их кожа приобретала жуткий темно-фиолетовый оттенок, глаза закатывались, оставляя лишь мутные белки. Мышцы раздувались, разрывая одежду, а под кожей пульсировали почерневшие вены. Старик изменился так же — его глаза вспыхнули кровавым светом. Небо над ними в мгновение ока затянуло тяжелыми иссиня-черными тучами.

Старик взмахнул персиковым посохом, и Мо Ханьчи почувствовал, будто в грудь ему прилетел удар пушечного ядра. Дыхание перехватило, внутренности словно смяло невидимой рукой. Горлом пошла кровь. Перед глазами поплыли черные пятна, он едва не лишился чувств. Чтобы не отключиться, он из последних сил вцепился в острую ветку и загнал ее себе глубоко в ладонь.

Яд. Те три палочки благовоний на алтаре были отравлены. Учитель предупреждал: молодые заклинатели, только вставшие на путь Дао, — лучшая добыча для демонов. Силы в них уже много, а опыта и осторожности еще нет. Жгучая боль в руке помогла Ханьчи прояснить разум, но положение было отчаянным: он оказался в самом центре кольца из монстров. Стоило вожаку подать знак, и твари разорвали бы его на части.

— Ты сорвал печать Небесного Царя Широкого Взора! — тот же голос, что пытался остановить его, прогрохотал над горами, отражаясь от скал.

В свинцовом небе открылась сияющая трещина. Из нее, окутанная пятицветным сиянием, спустилась белоснежная фигура. Это был цилинь, объятый призрачным лазурным пламенем. Мо Ханьчи замер, забыв о боли, — он впервые видел легендарное божественное животное.

Белое сияние вокруг зверя начало сжиматься, дробясь на тысячи искр, пока не стало ослепительным. Ханьчи невольно зажмурился, а когда открыл глаза, цилинь исчез. Вместо него на земле стоял изящный молодой господин в белоснежных одеждах с золотистыми волосами — истинный образ совершенства, сошедший со страниц старых книг.

— Может, ты расскажешь мне, что здесь происходит на самом деле? — с трудом выговорил Мо Ханьчи.

Мужчина-цилинь едва заметно улыбнулся.

— Хорошо.

Он взмахнул рукой, и сфера чистого света окружила их обоих, поднимая в воздух. А внизу мир окончательно сошел с ума. Гора раскалывалась, из глубоких трещин повалил густой фиолетовый дым. Там, где он касался земли, цветы мгновенно чернели, а деревья превращались в труху. Запах гнили и тлена наполнил воздух. Из недр горы вырвалось пламя, окрашивая черное небо в багровые тона. Пожар разгорался, превращая окрестности в сущий ад.

<http://bllate.org/book/17550/1712580>